Globethics Repository

Китай – Россия 2050: стратегия соразвития

This page was generated automatically upon download from the Globethics Repository. More information on Globethics see https://www.globethics.net. Data and content policy of Globethics Repository see https://repository.globethics.net/pages/policy.

Item Type	Book chapter
Authors	Кузык, Борис;Титаренко, Михаил
Publisher	Институт экономических стратегий
Rights	With permission of the license/copyright holder
Download date	2026-11-12 18:46:14
Link to Item	http://hdl.handle.net/20.500.12424/233496

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ РАН

Б. Н. КУЗЫК
М. Л. ТИТАРЕНКО

КИТАЙ – РОССИЯ 2050:
СТРАТЕГИЯ СОРАЗВИТИЯ

Москва
2006

УДК 327 (510+470+571)
ББК 66.4 (5 Кит, 2 Рос)
К 89

Кузык Борис Николаевич — директор Института экономических стратегий, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.

Титаренко Михаил Леонтьевич — директор Института Дальнего Востока РАН, доктор философских наук, профессор, действительный член Российской академии наук.

ISBN 5-93618-095-6

© Кузык Б. Н., Титаренко М. Л., 2006
© Институт экономических стратегий, 2006
© Институт Дальнего Востока РАН, 2006

ГЛАВА 6
КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ*

К истории вопроса

Китайскую культуру характеризуют длительность и непрерывность развития, многообразие, уникальное сочетание консервативной замкнутости с толерантностью к иным культурам и традициям. Особое значение для самоидентификации китайской культуры имеет иероглифическая письменность. Более трех тысячелетий синоиероглифическая культура, в центре которой с V века до н. э. лежали морально-этические представления конфуцианства, сохраняет свою устойчивость и расширяет проникновение в сопредельные с Китаем страны.

Однако в середине XIX столетия, когда более мощные империалистические державы стали усиленно проникать в Китай, пытаясь подчинить своему влиянию древнюю цивилизацию этой страны, ситуация изменилась. Наступил период разочарования в традиции. Передовая часть китайской интеллигенции развернула активные поиски пути модернизации страны и ее культуры, привлекая для этого ресурсы западной цивилизации, в том числе учение марксизма.

В прошлом у китайской культуры были периоды расцвета, выделяющиеся на фоне общего исторического процесса. К ним принято относить эпохи династий Хань (206 год до н. э. — 220 год н. э.) и Тан (618–907 годы). Но по контрасту с событиями XIX века возрождение национальной мощи Китая во второй половине XX столетия воспринимается китайцами как важнейший перелом в историческом развитии, начало нового цикла

*Глава подготовлена на основе материала д-ра ист. наук А. В. Ломанова.

возвышения страны после прохождения низшей точки, редкий в мировой истории прецедент возрождения древней цивилизации. Объективная обоснованность восприятия успехов современных китайских реформ как нового этапа расцвета национальной культуры будет видна лишь через сравнительно длительный промежуток времени.

В 1920–1940-е годы китайская культура пережила период бурного расцвета интеллектуального творчества. В период между свержением последней императорской династии Цин в 1911 году и образованием Китайской Народной Республики в 1949 году были достигнуты незаурядные успехи в гуманитарных и общественных науках, чему способствовала открытость китайской культуры внешним влияниям. В те годы китайские мыслители создавали смелые творческие концепции, обращаясь к синтезу традиций Китая и Запада, искали пути диалога цивилизаций, предвещая и во многом опережая модные веяния 1980–1990-х годов.

В десятилетия, предшествовавшие приходу к власти компартии во главе с Мао Цзэдуном, бурно развивавшаяся культура заметно превосходила совокупные показатели геополитической мощи гоминьдановской Китайской Республики, ослабленной внутренними противоречиями и японской агрессией. После образования КНР в 1960–1970-е годы соотношение стало обратным: китайская культура заметно отстала от показателей материальной мощи государства, быстро осуществившего индустриализацию, запустившего в космос собственный спутник и заполучившего в свои арсеналы атомное и водородное оружие. В экономике, военной сфере и внешней политике Китай превратился в сильную региональную державу, способную обеспечить свою безопасность и независимость. Однако в культуре произошел откат, духовная жизнь страны подверглась глубокой идеологизации и примитивизации. Причиной регресса стала политика маоистского руководства КПК, выступавшего в те годы как за изоляцию Китая от культуры Запада, так и за искоренение традиционного культурного наследия, прежде всего конфуцианства.

В первое десятилетие существования КНР китайская интеллигенция получила возможность изучить и ассимилировать советскую культуру. Этот внешний импульс придал новые жизненные силы и динамику китайской культуре, зажатой в 1950-х годах в жесткие политические тиски. Широкий доступ к совет-

ским и российским ресурсам на фоне ограниченного влияния собственной традиции и минимизированного влияния Запада стал фоном для формирования китайской культуры второй половины XX века. В 1950–1960-е годы Россия и Китай пережили период беспрецедентной духовной интеграции, основанной на вытеснении традиционных ценностей обеих цивилизаций марксистской идеологией.

Однако в 1960-е годы китайские власти ограничили доступ также и к советской культуре, встав на путь полной самоизоляции. В период «великой пролетарской культурной революции» (1966–1976 годы) установка на создание новой культуры силами народных масс, прежде всего крестьянства, привела к отстранению от культурного творчества профессиональной художественной интеллигенции, ее подавлению по идеологическим мотивам. Следствием этой политики стала деградация китайской культуры, падение ее мировой репутации, катастрофическое сокращение влияния как внутри страны, так и за рубежом.

Исторически на протяжении многих столетий Китай выступал в роли региональной державы, влиявшей на формирование культур окружающих стран Восточной Азии. Эксперименты конца 1950–1970-х годов оборвали эти связи. Подвергшаяся разрушению у себя на родине традиционная китайская культура сохранялась в то время лишь в периферийных уголках прежнего Большого Китая (Гонконг, Тайвань), не находившихся под контролем Пекина. Миссию сохранения культурного наследия взяла тогда на себя китайская диаспора. В 1958 году покинувшие материк мыслители-традиционалисты Моу Цзунсань, Сюй Фугуань, Чжан Цзюньмай и Тан Цзюньи опубликовали программный «Манифест китайской культуры людям мира», в котором призвали относиться к национальной культуре как к тяжело больному, но еще живому организму, который требует не только изучения, но сочувствия и уважения. Однако Мао Цзэдун и его идеологи полагали в те годы, что возрождение поверженной «феодальной традиции» политически нежелательно. Это формировало скептические оценки будущего китайской культуры у иностранных наблюдателей.

6.1. Культурно-идеологические течения в период реформ

В начале 1980-х годов в Китае начался новый цикл культурного развития, характеризующийся синхронизацией роста материальной и духовной мощи страны. Власти постепенно отказывались от гонений на традиционную культуру, смягчалась политика государственного атеизма, возобновилось изучение зарубежной культуры. Открытый характер заимствования помог придать новый мощный импульс развитию страны. Формирование культурных процессов происходило в условиях взаимодействия трех различных сил — наступающей западной культуры, возрождающейся традиционной культуры и трансформирующейся официальной идеологии КПК. По инерции некоторое влияние на эти процессы продолжали оказывать традиции советской, русской культуры и науки, опыт и достижения которых широко пропагандировались в 1950-е годы.

В первой половине 1980-х годов в КНР активно распространялись западные либеральные идеи, использованные частью интеллигенции для критики старой модели социализма. Произошел раскол китайской интеллигенции на защитников ортодоксальной партийной идеологии и просветительскую интеллигенцию, выступавшую за движение к свободе и демократии западного образца. К середине 1980-х годов возобладали идеи сближения с мировой цивилизацией, помноженные на стремление окончательно отмежеваться от устаревшей системы. Духовными примерами для новых просветителей стали общественные деятели начала XX столетия, критиковавшие традиционные конфуцианские ценности и уже в то время пытавшиеся ознакомить китайцев с западным либерализмом.

Возникшие в те годы споры о традиционной китайской культуре и национальном характере китайцев были направлены не только на критику китайского феодализма и деспотизма, но и на демонтаж идеологии Мао Цзэдуна. Во второй половине 1980-х годов в Китае произошло углубление познания национальной культуры. Интеллигенция стала искать новый путь к модернизации, пытаясь проложить его не только через заимствования с Запада, но и через открытое и либеральное прочтение собственной духовной традиции.

После трагических событий июня 1989 года среди китайской интеллигенции распространилось разочарование в либе-

ральных ценностях, заметно укрепились позиции национализма и консерватизма. В 1990-е годы на первое место вышли тенденции позитивного переосмысления китайской национальной специфики, отказа от мечтаний об ускоренном переходе к демократии, распространилось неприятие идеи всеобщности западной цивилизации. Была выдвинута идея «создания сильного демократического государства» (Ван Шаогуан), подчеркивающая важность направляющей роли государства во время перехода к свободной рыночной экономике.

Кризис легитимности власти КПК, спровоцированный распадом мировой социалистической системы и падением влияния марксистской идеологии, стимулировал поворот к национализму. Обострение отношений Китая с Западом после событий 1989 года вывело на первый план идеологию укрепления безопасности государства, его мощи, расширения международного влияния в интересах получения иностранных рынков сбыта и источников сырья. Сказался и рост самоуверенности, подогреваемый неуклонным экономическим подъемом Китая. Современная политическая элита КНР все более проникается рефлексией национальной исторической уникальности: покоренная в XIX веке иностранными державами древняя цивилизация, пришедшая к началу XX века в упадок, вновь движется к расцвету, набирая жизненные силы и вновь превращаясь в регионального лидера. Пик националистических устремлений среди китайской интеллигенции пришелся на 1999 год, когда американская бомбежка посольства КНР в Белграде вызвала опасения вооруженного «гуманитарного вмешательства» США в дела Китая.

В середине 1990-х годов китайские авторы доказывали, что национализм непременно должен стать «знаменем» китайских политиков и интеллигенции в XXI веке. При этом были выделены три основных источника современного китайского национализма. Первый источник — традиционная китайская культура, поскольку ее дух «принадлежности Поднебесной всем» (*тянься вэй гун*) является духом и ядром современного китайского национализма. Второй источник — патриотическая традиция китайского сопротивления «иностранному оскорблению». Третий источник — духовное наследие эпохи Мао Цзэдуна после 1949 года [1]. Подразумевалось, что речь идет не о разрушительном, а о созидательном национализме, который способен обеспечить расцвет страны путем поддержания ее единства и защиты от раскола.

В 1990-е годы укрепились позиции нового конфуцианства. Его сторонники пытались найти исконный национальный путь модернизации с опорой на этические ценности конфуцианства, мечтая преодолеть кризис моральных ценностей в Китае и заодно спасти от кризиса материалистическую и бездуховную западную цивилизацию. Появились идеи создания гражданского общества конфуцианского типа, опирающегося не на свободу западного образца, основанную на чужих христианских ценностях, а на собственные высшие универсальные нормы — гуманности и преданности, многообразия в единении, сочетания выгоды со справедливостью.

Столкновение с вызовами глобализации по западному образцу оживило интерес китайской элиты к наследию конфуцианской мысли XX века. Начиная с 1920-х годов ведущие мыслители Китая (Фэн Юлань, Хэ Линь, Го Можо, Моу Цзунсань, Хоу Вайлу) пытались дать ответ на культурно-цивилизационный вызов Запада. Они ставили на первое место обновление традиционного морального учения, конфуцианскую социализацию личности, исследование духовных ценностей, активную защиту китайской духовной традиции в споре с западной культурой. В их наследии наиболее востребованными оказались попытки дать ответ на вызов материалистической цивилизации Запада, опыт возрождения национальной культуры в контексте современного мира, исследование традиционной для китайской мысли темы доброты человеческой природы, акцент на самовоспитании и завершенности личности. Современные наследники этого течения (Ду Вэймин, Чэн Чжунъин, Лю Шусянь) подчеркивают современную значимость конфуцианского плюрализма («принцип один, но проявлений много») и гармонии, пытаясь адаптировать национальную традицию к диалогу с другими культурами.

В китайском обществоведении возникло течение синтезирующей инновации (*цзунхэ чуансинь*), связанное с именами ученого старшего поколения Чжан Дайняня и современного исследователя Фан Кэли. В отличие от новых конфуцианцев, исходящих из приоритета китайской традиции, они подчеркивали идею творческого соединения культур Китая и Запада с обязательным включением в этот синтез марксистского диалектического материализма. «Мы должны широко подходить ко всем течениям мысли, способствующим национальному расцвету и поиску пути модернизации Китая, имеющим реальные заслу-

ги в определенных направлениях, включая и те течения, что критиковали марксизм и выступали против него. Содержащаяся в их идейных положениях односторонняя истина должна быть прояснена, утверждена, критически заимствована и впитана. Современные новые конфуцианцы имеют большие заслуги в защите и развитии китайской национальной культурной традиции, критике национального нигилизма, синтезе философий и культур Китая и Запада, поиске путей модернизации традиционной культуры. Это идейное богатство должно быть нами обобщено, критически унаследовано с марксистских позиций» [2] — отмечал Фан Кэли. В 1990-е годы предполагалось, что новое конфуцианство поможет возместить такие недостатки марксизма, как неуважение к национальной духовной культуре, пренебрежение исследованиями связи китайской традиции с западной цивилизацией, невнимание к вопросам человеческой природы и гуманизма.

Успехи индустриального развития стран и территорий азиатского конфуцианского ареала в 1970–1980-е годы (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур) также способствовали позитивному осмыслению соотношения традиции и задачи усиления страны. С подачи идеологов так называемого конфуцианского капитализма конфуцианство стали рассматривать в КНР уже не как препятствие на пути индустриальной модернизации, а как способствующий ей фактор. Одновременно официальные идеологические круги старались напомнить, что Китай строит не капитализм, пусть даже конфуцианский, а социализм с китайской спецификой. Приверженцы либеральной мысли в свою очередь выступали против авторитарно-консервативных тенденций современного конфуцианства. Азиатский финансовый кризис 1997–1998 годов подкрепил позиции тех представителей интеллигенции, которые считали труднопреодолимым конфликт конфуцианского пренебрежения индивидуальной свободой с открытостью общества рыночной экономики.

В начале 1990-х годов китайская интеллектуальная элита в подавляющем большинстве перешла на позиции поддержки властей, что ознаменовало отказ от либерального фрондерства конца 1980-х. Распространилась уверенность в том, что китайская национальная и культурная специфика допускает лишь авторитарное правление. В 1990-е годы китайские пропагандисты указывали на опыт развала СССР и трудности в постсовет-

ской России как на негативный пример использования радикальной модели преобразований. Сторонники укрепления государственного механизма видели в советском уроке аргумент в пользу сохранения жесткой централизованной власти для обеспечения успешного экономического развития. Националисты указывали на необходимость организованного противостояния подрывной деятельности Запада, его культурной и идеологической экспансии.

Официальная китайская идеология впитала идеи как неоавторитарного, так и националистического течения мысли. Отказ от демократизации политической системы по западному образцу Пекин объясняет неприемлемостью иностранной модели и необходимостью сохранения в стране стабильности в интересах долгосрочного развития. Идеология КПК не акцентирует более ни идеи классовой борьбы, несовместимые с построением рыночной экономики, ни идеи интернационализма, противоречащие националистической программе построения социализма с китайской спецификой.

За годы реформ путем сложных эволюционных трансформаций западный марксизм как учение о всемирной миссии пролетариата по освобождению всех трудящихся от власти капитала превратился в Китае в сложный идеологический конгломерат. Главное место в нем занимают ныне «идеи Мао Цзэдуна», рыночная реформаторская теория Дэн Сяопина и «важные идеи тройного представительства», обосновывающие политическую интеграцию китайских предпринимателей в ряды «строителей социализма с китайской спецификой». Этот набор ориентирован прежде всего на защиту и реализацию национальных интересов Китая. Но в связи с ориентацией на включение в глобальную экономику и соразвитие крайности «народного» национализма и интеллектуализованного неоавторитаризма смягчаются: к ним присоединяются установки на международное сотрудничество и постепенное продвижение к демократии через построение правового государства.

В конце 1990-х годов главным оппозиционным голосом на китайской культурно-идеологической сцене стали новые левые, критикующие свободный рынок и экономическую глобализацию. Новые левые отвергают попытки объяснить нарастание социальных издержек реформ избытком пережитков социализма и недостатком рыночных свобод. Представители этого течения не ставят под сомнение необходимость могущественного госу-

дарства, но ждут от него большей социальной заботы о простых людях. Они выступают против западной модели глобализации, но главную угрозу видят не в распространении опасной для внутренней стабильности Китая демократической идеологии, а в экономическом порабощении страны международным капитализмом. Утопический и декларативный характер позиции новых левых не лишает ее привлекательности в глазах слабых групп китайского общества, проигравших от реформ.

Знаковым событием в процессе формирования новых левых стала публикация в 1997 году статьи-манифеста Ван Хуэя «Современная китайская мысль и проблемы современности» [3]. Он заявил, что после событий 1989 года «век социалистической практики» пришел к концу и вместо двух миров остался один — глобально-капиталистический. По его мнению, в Китае происходит масштабное сращивание власти и капитала, не оставляющее места для развития демократии. Ван Хуэй подчеркнул, что китайская прозападная интеллигенция продемонстрировала свое окончательное банкротство, оказавшись неспособной переключиться с излюбленной ею либеральной критики маоистского казарменного социализма на поиск подлинных капиталистических причин современного социального кризиса в КНР.

Продвижение политических реформ в Китае зависит от культурной традиции в большей степени, чем ход экономических преобразований, подчиняющихся общепринятым мировым нормам функционирования рыночного хозяйства. Общая черта модели модернизации стран и территорий конфуцианского ареала Восточной Азии — это внедрение элементов демократии на основе авторитета установлений и нравственных примеров с плавным продвижением к правовому государству. Конфуцианская традиция требовала, чтобы правитель видел в народе основу государства и опору политической власти, добиваясь его доверия. В последнее десятилетие внутрикитайская пропаганда уделяет особое внимание морализации общества, что также совпадает с традиционными представлениями о роли власти как хранителя и источника нравственного воспитания.

Стилистика политических лозунгов нового китайского руководителя Ху Цзиньтао во многом сближается с традиционной конфуцианской идеологией отношения к народу как основе (*минь бэнь*), требовавшей от правителя неустанной заботы

о материальной стороне жизни подданных, дабы заполучить «сердце народа» и обеспечить в государстве стабильность и гармонию. Призыв Ху Цзиньтао «использовать власть для народа, соединить чувства с народом и помышлять об интересах народа» уже получил неофициальное прозвание новых трех народных принципов. Это связывает нынешние власти с наследием основателя Китайской Республики Сунь Ятсена — автора изначальных трех народных принципов (национализм, народовластие и народное благоденствие).

Активное насыщение партийных и государственных документов призывами «брать человека как основу» лишь усилило уподобление современной политической лексики КНР традиционным конфуцианским представлениям. Китайские обществоведы откликнулись на эту тенденцию призывом укрепить легитимность авторитарного государства путем обращения к политическим идеям раннего конфуцианства, прежде всего к концепции гуманного правления (*жэнь чжэн*). По мнению Кан Сяогуана, два ключевых аспекта этой древней концепции — подчинение народа моральному авторитету правителя и бескорыстное служение правителя-мудреца людям — могут быть реконструированы для включения в современную теорию гуманного правления. Он подчеркнул, что реальная политическая полезность утопий коммунизма и либеральной демократии не больше, чем у гуманного правления, весьма значимого для интерпретации китайской современности [4].

В официальную лексику КНР входит все больше понятий, заимствованных из традиционного культурного наследия или сопоставимых с ним. В частности, развитие Китая направлено на построение общества малого достатка (*сяокан*) — это прямое терминологическое заимствование из конфуцианской классики. В 2005 году на первое место в заявлениях китайских лидеров вышли лозунги движения к гармоничному обществу (*хэсе шэхуэй*). Здесь прослеживается явная концептуальная связь с традиционными конфуцианскими ценностями срединности и гармонии (*хэ*). Отметим, что в обновленную концепцию гармоничности входят политическая стабильность, уменьшение имущественной поляризации в обществе, поддержание экологического баланса, равномерное развитие регионов. Как и в классическом наследии, современная гармонизация охватывает отношения между человеком и государством, между людьми, а также между человеком и природой.

6.2. Традиционные религии и секты в условиях трансформации китайского общества

Религиозные конфликты не угрожают устойчивому развитию Китая, где получили распространение различные конфессии, ни одна из которых не имеет доминирующего положения. Официально признаны и пользуются соответствующими привилегиями пять религий: буддизм, даосизм, ислам, а также две ветви христианства — католицизм и протестантизм. Православное христианство, хотя и имеет своих приверженцев на северовостоке и в Синьцзяне, официально не признано. Китайское законодательство дает гражданам право свободы вероисповедания. В настоящее время в КНР около 200 млн верующих (при населении 1,3 млрд человек), около 100 тыс. мест отправления культа. Буддизм и даосизм наиболее распространены как массовые верования среди китайцев, число последователей буддизма достигает 100 млн человек.

Современный подход властей к религиозной деятельности был сформулирован в декабре 2001 года, когда ЦК КПК и Госсовет КНР совместно провели первую со времен образования КНР Всекитайскую конференцию по религиозной работе. Тогда руководитель КПК и страны Цзян Цзэминь заявил, что в период социализма религия носит массовый и долговременный характер, тем самым подведя черту под попытками истребить или ограничить религиозную жизнь в угоду требованиям атеистической идеологии. При этом власти говорят о необходимости корректировки традиционного марксистского подхода путем уяснения объективных законов развития религии и учета сложной роли религии в международных делах.

В настоящее время китайские власти исходят прежде всего из того, что религия представляет собой массовое общественное явление, она еще долго будет существовать даже в социалистическом обществе. Во-вторых, у верующих и неверующих китайцев есть общие коренные интересы в политической и экономической областях, по сравнению с которыми расхождения в идеологии и вере не являются существенными. В-третьих, ныне для Китая важнейшей задачей является модернизация, требующая сплочения людей с разными взглядами, а это невозможно без свободы вероисповедания и взаимного уважения между верующими и неверующими, а также между последователями различных религий.

Вместе с тем эта позитивная политика не распространяется на незарегистрированные религиозные структуры, деятельность которых ограничивается и преследуется. Отказавшись от лозунгов борьбы с религией, власти не отказываются от контроля над религией, особо подчеркивая недопустимость враждебного «проникновения извне под флагами религии». Наиболее явно неприятие иностранного вмешательства сказалось на судьбе 10-миллионной католической общины, разделенной примерно пополам на официальную патриотическую и неофициальную ватиканскую часть, сохранившую в нарушение государственного запрета верность иностранному руководителю в лице Папы Римского.

В феврале 1989 года власти пошли на уступку — китайским католикам было позволено поддерживать «чисто религиозную связь с Папой», признавать его духовный авторитет и молиться за него. Ватикану по-прежнему запрещено вмешиваться во внутренние дела Китая, назначая своих епископов. Однако этот запрет не соблюдается, что привело к появлению двух параллельных иерархий — легальной патриотической и подпольной ватиканской. Раскол китайских католиков создает предпосылки для конфликтов как между властями и верующими, так и между Китаем и Западом, стремящимся поддержать проватиканскую часть китайских католиков. Вместе с тем рост численности католической общины замедлился до общих темпов прироста населения страны, что исключает католиков из числа потенциальных угроз для стабильности государства.

Среди всех китайских религий, благодаря активному прозелитизму, в деревнях быстрее всего растет протестантская община, эта тенденция сохраняется с 1980-х годов. Сейчас число протестантов приближается к 20 млн, вместе с неофициальными домашними церквами их число стремится к 30 млн. Цифра будет еще выше, если учитывать развитие народных сект протестантского толка. Требование властей о вхождении всех протестантских групп в единое официальное движение, включающее в себя все деноминации, зачастую отвергается непримиримыми евангеликами, настаивающими на собственной уникальности. Конфликты среди китайских протестантов обычно решаются на местном уровне, при этом степень толерантности власти к неформальным общинам разнится от региона к региону.

Роль религии заметно выше среди национальных меньшинств, общая численность которых превышает 100 млн чело-

век. Доля верующих среди них составляет примерно половину, что делает религиозность важным фактором межэтнической стабильности. В Китае примерно 20 млн мусульман. Основная их часть компактно проживает на северо-западе страны. В настоящее время в Китае насчитывается более 30 тыс. мечетей, из них 23 тыс. сосредоточены в Синьцзяне. Власти не создают особых препятствий для последователей ислама, однако из-за опасения проникновения извне фундаменталистской и сепаратистской идеологии больше ограничений действует для иноэтнических уйгуров окраинного Синьцзяна, чем для мусульман-хуэй, то есть для ханьцев, живущих в различных регионах страны. Не менее жестко контролируется религиозная жизнь, и в особенности религиозные контакты с внешним миром, в Тибете, где большая часть коренного населения — последователи ламаизма.

Былые конфликты между властью и традиционными религиями заслонило дело секты «фалуньгун», созданной в 1990-е годы харизматическим лидером Ли Хунчжи. Секта привлекла сотни тысяч последователей смесью даосизма, буддизма, традиционной медитации и дыхательных упражнений и собственными учениями своего лидера. В 1999 году секта бросила вызов властям, организовав акции неповиновения (в том числе в центре Пекина рядом с правительственной резиденцией Чжуннаньхай). На это власть ответила запретом секты и суровыми репрессиями в отношении ее активистов. Подобные секты появлялись в Китае и в прошлые века и власти не забыли, что тайные общества религиозного толка нередко превращались в оплоты борьбы против правящей династии. В ходе борьбы с «фалуньгун» выяснилось, что среди сектантов было немало номенклатурных пенсионеров и отставных военных.

«Фалуньгун» была ликвидирована как потенциально опасный источник социальной нестабильности. В ответ на рост популярности сект власти начали масштабную кампанию пропаганды достижений науки и борьбы с феодальными суевериями, которая, однако, не увенчалась успехом. Масштабное обострение интереса к народным религиям, поиски духовных инструментов исцеления болезней, увлечение информацией об экстрасенсах были реакцией людей, разочарованных в официальной идеологии и рыночной экономике.

В 1980-е годы в КНР наблюдался устойчивый расцвет интереса к традиционным дыхательным упражнениям цигун и со-

путствующей медитативной практике. В 1990-е к ним добавились увлечение гадательной практикой по классической «Книге перемен», традиционной геомантией фэн-шуй, проявился ажиотаж вокруг паранормальных способностей человеческого организма. Понятное стремление людей приблизиться к истокам национальной духовной традиции, однако, определялось тем, что эти поиски проходили среди культурных материалов, оценивавшихся властями в качестве «феодального хлама».

В современной китайской общественно-научной литературе можно встретить следующее объяснение причин расцвета «фалуньгун» и прочих деструктивных сект: «Коренная причина в том, что в ходе осуществления социалистической модернизации и отстаивания центрального места экономического строительства было ослаблено руководство и воспитание правильных взглядов на мир, человеческую жизнь, ценности и историю среди членов партии, кадровых работников и широких народных масс, было ослаблено углубленное и продолжительное развертывание преподавания материализма и атеизма» [5]. Однако, судя по всему, дело не только в этом. Обратившись к «фалуньгун», новые маргиналы пытались найти свою духовную нишу и создать иллюзию осмысленной коллективной социальной деятельности.

Угроза социальной дестабилизации была предотвращена путем жесткого подавления «фалуньгун». Вскоре после этого китайские власти заговорили о переходе от тотального подавления деструктивных сект к идее контролируемого врастания народных религий в управляемую властями систему, к «доброму управлению» народными религиями.

Однако зарубежные структуры «фалуньгун» стали очагами организации давления на китайские власти. Последователи секты выступают с экстремистскими требованиями суда над китайским руководством, запрета правящей компартии и т. д. Заметим, что столь резких и радикальных суждений не услышать в наши дни даже от живущих за границей китайских оппозиционных демократов, большая часть которых выступает за умеренные преобразования китайской политической системы и отдает должное успехам реформ в КНР.

Примитивная и непримиримая критика со стороны фалуньгуновцев не имеет шанса на быстрый успех, однако в случае накопления внутри Китая социального недовольства она может вновь стать опасным катализатором нестабильности.

6.3. Государственная политика и запросы рынка

При Мао Цзэдуне официальная линия сводилась к тому, что культура и искусство носят классовый характер. При этом для народных масс культура представлялась оружием революции, инструментом внутреннего сплочения и борьбы с врагом. В 1960–1970-е годы пропагандировалась идея служения культуры рабочим, крестьянам и солдатам, вплоть до их привлечения к культурному созиданию вместо идейно нестойких и оторванных от народа профессиональных работников литературы и искусства. Заявленный Мао в 1956 году курс на «расцвет ста цветов и соперничество ста школ» формально допускал свободное развитие различных жанров и течений. Однако в реальности эта политика просуществовала менее года [6].

Переход Китая к рыночной экономике при сохранении институциональной преемственности в политической системе породил проблему разделения идеологической и коммерческой ипостасей культуры. Сторонники государственного руководства культурой по-прежнему подчеркивают ее важность в качестве оружия защиты китайского социализма от западных попыток повернуть Китай на путь мирной эволюции. «В строительстве социалистической духовной цивилизации самым сердцевинным направлением является сплочение и воспитание у целой нации, у всего народа общих идеалов и духовной основы горячей любви к социалистическому государству, которое они строят. В противном случае сильное социалистическое государство будет невозможно построить или его строительство получится перерожденным, с измененной сущностью, идущим по еретическому пути», — пишут современные китайские авторы, выказывая при этом особое уважение к «проекту Мао Цзэдуна по сплочению людских сердец против мирного перерождения» [7].

Однако «проект Мао» не предполагал развитие китайского общества в условиях рыночной экономики и открытости внешнему миру. «Архитектор реформ» Дэн Сяопин уверенно повел Китай по пути экономических преобразований, но последовавшие за этим изменения в области идеологии и культуры вызывали у него большую тревогу. В октябре 1983 года он выступил на пленуме ЦК с критикой «духовного загрязнения» [8]. Дэн Сяопин заявил, что часть творческих работников пачкает людские души распро-

странением «гнилых упадочнических взглядов буржуазии и других эксплуататорских классов». Работникам литературы и искусства был выставлен длинный счет прегрешений — они «увлекаются написанием тусклых, серых вещей», «фальсифицируют и искажают историю революции, реальную жизнь», «усиленно рекламируют идейное течение западного модернизма», «объявляют «самовыражение» наивысшей целью литературы и искусства», пытаются сделать главной темой творчества отчуждение человека при социализме и даже «пропагандируют эротику».

Развернутая в 1983–1984 годах борьба с «духовным загрязнением» породила настороженность творческой интеллигенции, напомнив ей о недавних политических кампаниях времен Мао Цзэдуна. Однако запретительная политика уже не могла решить возникшие проблемы. Указанные Дэн Сяопином «недостатки» так и не были ликвидированы. Более того, многие из них и ныне присутствуют в китайской культуре, к тому же в гораздо более ярко выраженном виде.

Причину живучести вышеперечисленных «недостатков» в том же вступлении назвал сам Дэн Сяопин: мастера культуры все больше «смотрят на деньги» и руководствуются в своем творчестве мотивами извлечения максимальной прибыли. Однако рыночная экономика, к которой столь успешно продвинул Китай «архитектор реформ», основана на законе спроса и предложения: работники литературы и искусства создают те произведения, за которые готовы платить деньги их потребители. Отказавшись от планово-распределительной экономики, разрешив конкуренцию и предоставив потребителям свободу выбора, государство не могло запретить деятелям культуры действовать по законам рынка.

По мере расширения сферы действия рынка главными потребителями культуры становились рядовые люди, а не государство, по-прежнему оплачивающее из бюджетных средств создание идеологически незагрязненных произведений. На современном этапе китайских преобразований в официальной политической лексике произошло разделение понятий «дело культуры» (*вэньхуа шие*) и «индустрия культуры» (*вэньхуа чанье*). Первое находится в руках государства и направлено на решение приоритетных некоммерческих задач, второе относится к сфере рынка.

Оба направления были затронуты в докладе генсека ЦК КПК Цзян Цзэминя на XVI съезде компартии в ноябре 2002 года. Государство, по его словам, будет оказывать поддержку «обще-

ственно полезному делу культуры», помогая наиболее важным партийным и государственным СМИ, исследовательским структурам в области общественных наук, наиболее важным культурным программам и художественным коллективам, «отражающим национальные особенности и государственный уровень». Государство также позаботится об охране важнейших культурных ценностей и выдающихся произведений народного творчества, поддерживает развитие культуры в бывших революционных базах, районах проживания нацменьшинств, приграничных и бедных районах, в центральных и западных регионах страны. При этом индустрия культуры выступает в Китае как «важное средство, которое обеспечивает процветание социалистической культуры и удовлетворение духовно-культурных потребностей народных масс в условиях рыночной экономики». Цзян Цзэминь призвал совершенствовать политику в отношении индустрии культуры, поддерживать ее развитие, умножать ее реальные силы и конкурентоспособность [9].

В сентябре 2004 года IV пленум ЦК КПК XVI созыва принял постановление ЦК КПК «Об укреплении строительства способности управления партии», отразившее политические приоритеты нового руководства страны на среднесрочную перспективу. В документе содержался призыв «углубить реформу системы культуры, раскрепостить и развивать культурные производительные силы» [10]. Китайские политические комментаторы подчеркивали, что в официальном обороте впервые появилось понятие «культурные производительные силы» (*вэньхуа шэнчаньли*). При этом призыв к их раскрепощению напоминал китайской аудитории о начальном периоде реформ, когда раскрепощение материальных производительных сил помогло вдохнуть новую жизнь в экономику страны.

Материальные условия для «раскрепощения культурных производительных сил» складываются по мере формирования и расширения рядов среднего класса в китайских городах. Этот социальный слой является потребителем качественной культурной продукции, у него есть не только деньги, но и высокие культурные запросы. Вместе с тем вслед за расслоением китайского общества происходит расслоение китайской культуры, поскольку часть культурной индустрии ориентируется на массовых потребителей с низкими доходами и невысокими запросами [11].

Развернутая китайскими властями после 2003 года реформа системы культуры (*вэньхуа тичжи*) в очередной раз выявила

конфликт рыночных механизмов и идеологических запросов государства. Общее направление реформы системы культуры сводится к оживлению отрасли за счет ее открытия для частных и иностранных инвестиций. В 2003–2004 годах было объявлено о расширении действия рыночных механизмов и допуске негосударственных инвестиций в печатные СМИ, книгоиздание, кинопроизводство. По сути, речь идет о привнесении в отрасль конкуренции при одновременном сохранении государственного идеологического контроля за производимой культурной продукцией.

Из-за огромного масштаба отрасли в КНР нет системы предварительной цензуры печатных СМИ. Однако ответственность за публикации, не соответствующие политике властей, в Китае существует. По-прежнему издаются директивы отдела пропаганды ЦК, ориентирующие СМИ, с чем нужно бороться, что следует подчеркивать, чего нельзя упоминать. В таких условиях происходит естественное смещение частных СМИ в деполитизированный развлекательный сектор, где возможна неограниченная конкуренция за потребителя.

Центром культурной жизни среднестатистической китайской семьи становится телевизор. Отрасль обрела огромный размах — в 2004 году в КНР действовало 320 телевизионных станций. Выход провинциальных станций через спутники на общенациональное вещание дал потребителям ощущение многообразия и возможности выбора. Более 100 млн китайцев стали абонентами платного кабельного телевидения, получив доступ к более качественной продукции — развлекательному каналу «Стар» (входит в медиаимперию Руперта Мердока), гонконгскому новостному каналу «Феникс», заметно расширяющему информированность телезрителя по сравнению с центральными государственными каналами. В первой половине 1990-х годов на Центральном ТВ появились качественные общественно-политические программы, пользующиеся большой популярностью у зрителей. Например, это утренняя программа «*Дунфан шикун*» («Восточное время»), посвященная анализу и комментариям на тему реформ. Большой интерес зрителей и недовольство чиновников вызывает вечерняя программа *«Цзяодянь фантань»* («В центре обсуждения»), построенная на репортажах с мест об острых проблемах, волнующих простых людей.

Китайские обозреватели отмечают, что индустриализация культуры *(вэньхуа чаньехуа)* порождает немало деформаций. Прежде всего в СМИ развивается увеселительный синдром. Хо-

тя у людей есть потребность в развлечениях, эта тенденция ведет к отходу СМИ от социальной ответственности, от попыток разделить плохое и хорошее. Главное — уметь насмешить аудиторию. Формальная коммерциализация на фоне сохранения прежних отношений ведет к искусственному вздутию цен на билеты на культурные мероприятия и сокращению числа посетителей. Происходит это потому, что начальство получает для себя на представления много бесплатных билетов на хорошие места, при этом художественные коллективы и их менеджеры не рискуют отказать в таких просьбах, возмещая убытки путем завышения цен на продаваемые места. К тому же чем выше цена, указанная на билете, тем престижнее будет такое подношение.

Однако обычным людям это затрудняет приобщение к культуре, и возникает замкнутый круг: в сфере культуры мало денег, однако невысокое качество постановок снижает интерес зрителей, которые отказываются переплачивать за это из своего кармана, в результате денег в отрасль поступает еще меньше и качество падает еще ниже. Одновременно возникает «недоброе поветрие пропаганды халтуры» — рекламные плакаты новых фильмов и музыкальных альбомов не затрагивают содержания и качества продукта, привлекая покупателя внешней атрибутикой; новым книгам авторы стараются давать как можно более броские названия, лучше всего с эротическим подтекстом [12].

Еще одна проблема — распространение в Китае пиратского издания книг и компакт-дисков. Широчайший выбор новинок зарубежного кино и музыки доступен китайцам по бросовым ценам (в 2003–2004 годах цена пиратского компакт-диска в Пекине составляла около 1 доллара США), что лишает эффективности усилия властей по ограничению выпуска в кинопрокат иностранных фильмов. Благодаря пиратам китайцы могут посмотреть и собственные фильмы, не получившие цензурного разрешения, прочитать нашумевшие книги, вызвавшие недовольство властей. Вместе с тем пираты наносят экономический ущерб легальной индустрии культуры, лишая ее доходов.

Индустриализация культуры усиливает потребительский коммерческий подход к массовой культуре китайской молодежи, перенявшей у зарубежных сверстников моду на «погоню за звездами» и создающей себе кумиров в кинематографе, спорте и музыке. Одним из побочных последствий коммерциализации стало широкое проникновение в китайскую городскую молодежную культуру западных праздников. Особо популярны

праздник влюбленных в день святого Валентина, Хэллоуин, Рождество. Бизнес активно использует новые праздники для увеличения объемов продаж, способствуя дальнейшему распространению их популярности. Попытки оживить традиционные китайские праздники в качестве противовеса западному влиянию не имеют большой перспективы — они популярны среди крестьян, но уже потеряли смысл в условиях современной городской цивилизации. Индивидуалистически настроенная молодежь ищет развлечений, но китайские праздники ей этого не дают, в том числе и потому, что они носят свойственный традиционному культурному укладу семейный характер [13].

В китайском обществе возникла ситуация двойного морального вакуума — утратили влияние не только традиционные конфуцианские ценности, но и сменивший их маоистский коллективизм. Чиновная коррупция в условиях рыночной экономики наносит не только материальный, но и огромный моральный ущерб — люди видят, что в Китае посредине между обществом и преступным миром сформировалось коррумпированное «серое общество», действующее по своим собственным законам [14]. Китайские сторонники неолиберальной модели развития настаивают на том, что рыночная экономика «лишена добродетели» и потому попытки возрождения старых коллективистских норм неуместны в условиях рыночной конкуренции.

Китайские руководители стремятся создать этическую систему, соответствующую социалистической рыночной экономике. В 2000 году Цзян Цзэминь выдвинул лозунг управления государством с помощью морали (*и дэ чжи го*), впоследствии он неоднократно выступал за «усиление социалистического идеологического и морального строительства». IV пленум ЦК КПК XVI созыва в 2004 году постановил в идейно-воспитательной работе брать за основу национальный дух, в центре которого лежит патриотизм, и дух эпохи, в центре которого находятся реформы и инновации: «Отстаивать соединение управления страной с помощью закона и управления с помощью добродетели, реализовывать проект строительства гражданской нравственности, развивать традиционные прекрасные добродетели китайской нации. Во всем обществе выдвигать базовые моральные нормы любви к государству и соблюдения закона, ясного этикета, честности и доверия, сплоченности и дружбы, скромности и самоусиления, уважения к своему делу и служения ему (это повторение пяти норм, изложенных в 2002 году в опубликован-

ном ЦК Положении о строительстве гражданской нравственности. — *Примеч. авт.*). Выступать против поклонения деньгам, гедонизма и крайнего индивидуализма, устранять влияние феодальных пережитков, сдерживать проникновение разложившихся идей и культуры капитализма» [15].

В феврале 2004 года были опубликованы «Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета относительно дальнейшего усиления и улучшения идейно-нравственного строительства среди несовершеннолетних» [16]. В документе подчеркивается, что несовершеннолетние (до 18 лет) — это «будущие строители родины, продолжатели дела социализма с китайской спецификой». От их «идейно-нравственного состояния непосредственно зависит общее качество китайской нации, перспективы государства и судьбы нации». Руководство страны встревожено тем, что последствия дальнейшего расширения открытости страны не ограничиваются созданием «благоприятных условий для понимания мира, увеличения знаний, расширения кругозора» молодежи.

В документе подчеркивается: «борьба с враждебными международными силами за нашу смену становится все более острой и сложной», когда в некоторых сферах наблюдается утрата моральных норм, недостаток доверия, поддельная продукция, распространяются обман и шантаж. Отмечается, что в некоторых районах поднимают голову феодальные суеверия, учения деструктивных сект, порнография, азартные игры, наркотики и другие уродливые общественные явления, которые становятся общественным злом. У некоторых несовершеннолетних происходит искажение ценностных представлений под влиянием погони за деньгами, гедонизма, крайнего индивидуализма, многочисленных негативных явлений, использования служебного положения в корыстных целях, коррупции. Кроме того, «гнилая и отсталая культура и вредная информация» также передаются через Интернет, растлевают души несовершеннолетних. «Под влиянием негативного воздействия у небольшого числа несовершеннолетних возникает духовный вакуум, нарушение норм поведения, некоторые даже встают на кривую дорогу нарушения закона и преступлений» [17].

В качестве контрмер по сдерживанию всех этих негативных тенденций предлагается усилить воспитание подростков на основании «направляющих идей», в еще большей степени усилить в учебных пособиях для начальной и средней школы темы патриотического воспитания, пропаганды революционных традиций,

добродетелей китайской нации и демократического законодательства. Планы развертывания «практической нравственной деятельности несовершеннолетних» включают празднование революционных праздников, внимание к присягам, посещение революционных мест, пропаганду среди молодежи образов великих людей, примеров нравственного поведения. Одновременно среда обитания подростков должна быть очищена от плохих моральных и идейных примесей. Подчеркивается необходимость борьбы с изданиями, пропагандирующими насилие, порнографию и феодальные предрассудки; предлагается строго проверять содержание компьютерных игр; во избежание проникновения вредной культуры рекомендуется установить стандарты импортной продукции для несовершеннолетних. Особое внимание уделено контролю над Интернетом: помимо установки антипорнографических и идеологических фильтров внутри сети в радиусе 200 м от средних и начальных школ не должно быть коммерческих заведений с электронными играми и выходом в Интернет.

При несомненной важности поставленных вопросов остается дискуссионной проблема эффективности предложенных мер борьбы за умы и сердца молодежи. Очень нелегко привлекательным образом совместить рыночную современность с традиционными принципами идеологии, воздействующей на культуру. На фоне вышеперечисленных указаний особо примечательно выглядит снятие с ноября 2004 года ограничений на публикацию и распространение фотографий обнаженного тела, немедленно использованное коммерсантами, особенно провинциальными. На фоне официальных тезисов об «идейно-нравственном строительстве среди несовершеннолетних» это решение вызвало спор о том, помогает или препятствует доступность изображений обнаженного тела формированию у молодежи адекватного понимания человеческой сексуальности. Тут столкнулись две позиции. Некоторые эксперты заявили, что излишние запреты в этой сфере создавали у молодежи психологический стресс с последующим всплеском подавленных эмоций. Их оппоненты выразили опасение, что художественные изображения перепутают с порнографией и, поскольку эта сфера в Китае долгое время была зажата, продавать открыто такие изображения нельзя, ибо это может сбить с толку не только молодежь, но и взрослых [18].

Особое место в современных китайских дискуссиях о государственном регулировании культурно-информационных потоков занимает тема Интернета. Ряд поднятых вопросов носит

глобальный характер и не привязан исключительно к китайской специфике — это психологическая деформация части пользователей Интернета, отрывающихся от жизни и реальности, погружающихся в атмосферу виртуальной анонимности, создающей иллюзию вседозволенности. Часто звучащие в Китае опасения по поводу доминирования в Интернете английского языка кажутся несколько преувеличенными, как и опасения культурного конфликта из-за проникновения вместе с информацией из Интернета «образа мысли, действий и ценностей англоязычных стран» [19]. Китайский язык построен на иероглифике, а не на фонетике, и потому вытеснение родной лексики почерпнутыми из Интернета «англицизмами» вряд ли серьезно угрожает ему.

Эти тревоги маскируют более существенную проблему — Интернет дает пользователям свободу поиска информации. Власти заявляют, что борются против распространения в Интернете «слухов» и «правдоподобной лжи», однако в условиях ограниченной свободы СМИ под эту категорию легко могут попасть достоверные сведения, в обнародовании которых власти не заинтересованы. Доверие людей к неофициальным информационным источникам особенно сильно выросло после 2003 года, когда власти попытались скрыть от общественности сведения о распространении эпидемии атипичной пневмонии. Интернет дал приют творчеству многих ранее неизвестных писателей и музыкантов, не имеющих возможности издать книгу или альбом. Да и дискуссии интеллигенции в Интернете носят куда более живой и открытый характер, чем на страницах печатных изданий.

Запреты, в том числе техническое блокирование доступа пользователей к «вредным» зарубежным сайтам, сочетаются с заполнением виртуального пространства «позитивным» содержанием. IV пленум ЦК КПК XVI созыва призвал «в высшей степени внимательно относиться к влиянию на общественное мнение Интернета и прочих СМИ нового типа, ускорять создание системы управления, сочетающей правовые нормы, административный контроль, отраслевую самодисциплину и техническое обеспечение, усиливать строительство рядов пропагандистов в Интернете, формировать сильную тенденцию позитивных мнений в Интернете» [20]. В обозримом будущем в КНР продолжится формирование и укрепление Интернета, соответствующего идейным установкам и политическому курсу руководства страны.

6.4. Полемика с Западом и стремление к глобальной проекции китайских ценностей

Отказ китайских реформаторов от лобового идеологического противоборства с Западом и их поворот к патриотизму не привел к прекращению споров с Западом. Очаг полемики переместился из области борьбы социализма и капитализма в сферу противостояния набирающего силу независимого национального государства иноземной «гегемонии» и «политике силы».

В начале 1990-х годов гипотеза столкновения цивилизаций американского политолога С. Хантингтона вызвала в Китае бурную ответную реакцию. Трактовка китайско-ближневосточного сотрудничества как признака формирования «конфуцианско-исламской» антизападной цивилизационной оси была избрана для показательной критики предрассудков западной цивилизации. В Китае было заявлено, что логика «западоцентризма» неизбежно ведет к «столкновению цивилизаций», тогда как конфуцианский подход, построенный на идеалах гармонии и согласия, — к примирению враждующих цивилизаций. Главным китайским аргументом в споре с Хантингтоном стал акцент на высокой способности конфуцианской культуры к ассимиляции инокультурных традиций. Был сделан вывод, что столкновения на линиях соприкосновения конфуцианства с иными цивилизациями по вине конфуцианства произойти не могут. Намного вероятнее, что инициаторами конфликта станут представители других цивилизаций, прежде всего западной [21].

Одновременно китайские авторы обратились к составлению собственных концепций цивилизационных конфликтов. В качестве примера можно указать на работы влиятельного экономиста и политолога Шэн Хуна, убежденного, что цивилизационная «победа» Запада опирается на способность «вытаскивать оружие первым», а не на либеральные принципы свободы, равенства и братства. Шэн Хун сделал вывод, что цивилизация Запада не способна «спасти человечество», ибо «поступки западных стран свидетельствуют, что подлинное содержание их цивилизации не включает в себя принципов уважения к рынку, демократии и свободной торговле в мировом масштабе» [22].

Поворот китайской интеллигенции от либерализма 1980-х к национализму и консерватизму 1990-х способствовал усилению волны критики в адрес США. Набрала обороты длящаяся поныне контрпропагандистская кампания борьбы с западной те-

орией китайской угрозы. Директор Института американских исследований АОН Китая Ван Цзисы выделил пять главных аргументов США, используемых при обосновании тезиса о китайской угрозе. Во-первых, тоталитарная и социалистическая природа политической власти в Китае чреваты военными конфликтами. Во-вторых, рост региональной мощи КНР бросает вызов существующему международному порядку. В-третьих, дешевая рабочая сила в соединении с современными высокими технологиями дает возможность демпингового сбыта китайской продукции на американском рынке при ограничении американского доступа на китайские рынки. В-четвертых, «после конца холодной войны различные религии и цивилизации, а не идеологии выступают источниками конфликтов, при этом конфуцианская цивилизация, представленная Китаем, составляет угрозу для западной христианской цивилизации». В-пятых, США находятся под угрозой, поскольку обязаны помогать слабым соседям Китая в случае их столкновения с китайской экспансией [23].

Китайские обществоведы сетуют, что антикитайская пропаганда США превратила в 1990-е годы КНР в глазах американцев в дьявола. «В последние годы СМИ западных стран с помощью разных средств демонизируют Китай. Американские новостные СМИ преисполнены особой враждебности к Китаю, они не видят прогресса и развития китайского общества, всячески преувеличивают угрозу со стороны Китая для США, измышляют из ничего, подделывают факты, злобно клевещут и нападают на Китай, чтобы дезориентировать народные массы» [24].

Желание объяснить отечественной и иностранной аудитории несправедливость нападок на Китай привело к осознанию собственной слабости в области внешней пропаганды и как следствие — неспособности успешно проецировать вовне выгодный облик Китая. «Из-за несходства общественных систем, противоположности идеологии и сохранения менталитета холодной войны США рассматривают Китай как враждебную силу, они не хотели бы видеть Китай процветающим и сильным. По этой причине США будут использовать все возможные средства для сдерживания Китая. «Жесткому удару» экономических санкций и военных действий чем дальше, тем труднее увенчаться успехом. СМИ превратились в главное оружие США при нанесении «мягкого удара» по Китаю» [25].

Критика в адрес Китая воспринимается двояко. Главную мотивацию обычно относят к сфере экономической конкурен-

ции, толкающей Запад к раздуванию серьезности китайских проблем в интересах снижения инвестиционной привлекательности КНР. Вторым двигателем критики выступает борьба США за сохранение собственного цивилизационного доминирования. Западная «культурная гегемония страшнее бомбардировщика-невидимки» [26], полагают китайские авторы. При этом они не могут не замечать рост потребления внутри КНР символов и продуктов западной культуры, проникновения западного стиля досуга.

Долговременная внешнеполитическая стратегия Китая основана на глубокой интеграции в мировую экономику с целью извлечения максимальных выгод для развития страны. Эта стратегия может быть разрушена, если внешние силы прибегнут к санкциям или прямому вмешательству с целью изменить существующий строй либо попытаются помешать возвращению Тайваня в «лоно родины». Подобное вмешательство будет заведомо негативно воспринято народом вследствие высокой степени националистической идентификации с нынешним строем, обеспечившим стране длительный и устойчивый экономический рост и социальный прогресс. Напротив, такое вмешательство, под каким бы предлогом оно ни осуществлялось, будет воспринято как корыстная попытка «отбросить» Китай назад, чтобы не допустить его «чрезмерного» усиления. В этом случае региону может угрожать вспышка ксенофобии, дремлющей за стабильным фасадом китайского общества.

На этом фоне национальная культура воспринимается в КНР как инструмент сохранения национальной идентичности в условиях глобализации. Китайские власти официально провозгласили: «Сливаясь с экономикой и политикой, культура в нынешнем мире занимает все более видное место и играет все более заметную роль в конкуренции комплексной государственной мощи» [27]. Это означает, что традиционная культура также становится частью комплексной национальной мощи Китая, обеспечивающей стране не только аргументы для внешней пропаганды, но и защиту от нежелательного внешнего проникновения. Ожидания роста давления со стороны западной культуры в ближайшие десятилетия побуждают китайскую элиту использовать национальную культуру в качестве защитного заслона.

Одновременно ставится задача проекции китайской культуры во внешний мир. IV пленум ЦК КПК XVI созыва призвал:

«Укреплять комплексную силу культуры Китая. Продвигать китайскую культуру, еще лучше выходить в мир, повышать ее международное влияние» [28]. Успешные примеры реализации данной политики уже есть. В частности, завершившийся летом 2004-го год китайской культуры во Франции оценивается в КНР как несомненный успех национальной культурной дипломатии, как акция, повысившая позитивный интерес европейцев к Китаю.

В декабре 2004 года министр культуры КНР Сунь Цзячжэн заявил: «Мы разворачиваем внешние культурные обмены исходя из коренных интересов государства. Новое коллективное руководство партии и его генеральный секретарь товарищ Ху Цзиньтао отводят культурной дипломатии чрезвычайно важное и незаменимое место. Культурная дипломатия взаимодействует с политической и экономической, их рассматривают как три главных столпа китайской дипломатии, это важная составная часть общей внешнеполитической стратегии государства». Сунь Цзячжэн подчеркнул, что официальные культурные обмены под руководством государства с целью создания позитивного образа Китая будут идти параллельно с неофициальными культурными мероприятиями, которые проводят китайские коммерсанты в интересах извлечения прибыли. Он сообщил о планах властей в ближайшие 5–10 лет создать за рубежом 20–25 китайских культурных центров, призванных сыграть важную роль при формировании позитивного восприятия Китая зарубежной аудиторией. По словам министра, опыт создания и продвижения за рубежом национальных «культурных товарных марок» (*вэньхуа пиньпай*), например опыт организации мероприятий по продвижению «товарной марки Праздника весны» или «товарной марки Дня образования КНР», оказался сравнительно успешным и продолжится в будущем [29].

В декабре 2004 года газета «Наньфан душибао» сообщила о планах китайских властей создать за рубежом сеть конфуцианских академий, что станет частью стратегии пропаганды китайского языка в условиях глобализации. Вместе с тем было отмечено, что продвижение китайского языка в качестве мирового зависит не только и не столько от усилий властей, сколько от доли китайской торговли в мировом товарообороте, глобальной привлекательности китайской культуры, мысли и науки. Необходимо оценить, в какой степени иностранцы будут заинтересо-

ваны в изучении языка по соображениям экономической выгоды или культурного порядка. Поэтому обучение иностранцев китайскому за деньги может оказаться полезным для китайских коммерсантов, способных организовать успешный учебный процесс — ведь сами китайцы уже давно не считают денег при обучении своих детей английскому языку [30].

Чтобы компенсировать пропагандистское антикитайское давление американских СМИ, китайские эксперты предлагают стратегию внешнего информационного контрнаступления. Это помогло бы ослабить противоречие между ростом мощи Китая и несоответствующим этому положением страны в мировом общественном мнении.

Во-первых, государству рекомендуется усилить работу в области внешней пропаганды. Для этого потребуется увеличить вложения в агентство Синьхуа, зарубежное издание газеты «Жэньминь жибао», международные каналы Центрального ТВ, иновещание Международного радио Китая. Считается необходимым расширить возможность распространения их информации за рубежом. Сначала им следует добиться влияния в китайскоязычной среде, а потом расширять распространение на английском и других языках. Ключевую роль должно играть развитие международных каналов Центрального ТВ. В течение пяти лет планируется создать наиболее авторитетный в мире китайский канал, а в течение десяти лет — всемирный английский канал со сравнительно большим влиянием.

Во-вторых, предлагается интенсифицировать работу в Интернете, сосредоточив усилия на укреплении главных государственных новостных веб-сайтов «Жэньминьван», «Синьхуаван» и интернет-версии газеты «Чайна дейли». Намечено увеличивать объем размещаемых на сайтах новостей и количество языков, расширять охват аудитории, усиливать конкурентоспособность китайских государственных новостных сайтов в глобальной борьбе за «право слова». Одновременно предстоит усиливать управление коммерческими сайтами, строго запрещая появление на них информации, наносящей ущерб имиджу государства.

В-третьих, намечается провести структурные реформы китайских СМИ, способствовать их слиянию в крупные межотраслевые корпорации, поддерживать их выход во внешний мир, давать финансовую поддержку и налоговые льготы китайским компаниям, создающим за рубежом газеты, журналы

и вещательные станции. Предполагается, что за 5–10 лет Китай смог бы создать несколько медиакорпораций мирового уровня [31].

Вместе с тем остается открытым вопрос о содержательном наполнении будущих пропагандистских усилий. Прямое копирование содержания западной пропаганды невозможно. Стандарты жизни китайского среднего класса, в отличие от американского, в силу экономических и экологических ограничителей не смогут обрести глобальной популярности и притягательности. Скорее, речь пойдет о популяризации экономических и социальных достижений Китая, его успехов в науке и образовании. Параллельно можно ожидать расширения пропаганды традиционного культурного наследия.

Эти усилия будут адресованы прежде всего Юго-Восточной Азии, где традиционно опасаются расширения китайского влияния, а также Латинской Америке, находившейся в XX веке под опекой США и очень мало знающей о Китае. Можно ожидать восстановления и распространения до новых границ популярности китайского языка в Восточной и Юго-Восточной Азии. Рост притягательности китайской модели авторитарно-консервативного перехода к рыночной экономике поможет укрепить китайское влияние среди развивающихся стран за пределами региона.

Вместе с тем налицо тревожный для китайских властей упадок проекта «конфуцианской реинтеграции» материка и Тайваня. Рост локального национализма в условиях многопартийной демократии уводит Тайвань все дальше от авторитарного истолкования конфуцианства, служившего официальной идеологией правившей на острове партии Гоминьдан до 1980-х годов. Демонтаж идеологических схем Гоминьдана открыл путь к «отуземливанию» тайваньской культуры, размывающему импульс конфуцианской «китаизации» острова в 1960–1970-е годы. Тайваньские националисты предпочитают говорить о «чужом» Китае и его «иностранной» культуре, что осложняет путь к воссоединению на базе традиционных ценностей.

Рост комплексной мощи Китая побуждает руководство страны объяснять внешнему миру, что китайская сила не является источником китайской угрозы. В докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК (2002 год) было заявлено о желании Китая совместить единство усилий и интересов человечества с сохранением его многообразия путем защиты «общих выгод» человечест-

ва, продвижения экономической глобализации в направлении «совместного процветания», содействия «многополяризации мира». При этом старая идея мирного сосуществования трансформировалась в концепцию всестороннего сотрудничества, которая обрела отчетливый культурно-цивилизационный оттенок: «Мир богат и многокрасочен. Существующие в мире цивилизации, различные общественные уклады и пути развития должны пользоваться взаимным уважением, в процессе соперничества и сравнения надо заимствовать полезное, совместно развиваться на основе поиска общего при сохранении различий» [32].

В конце 2003 года в общественно-политической лексике Китая появилось и быстро распространилось словосочетание «мирное возвышение» — *хэпин цзюэци*. Исходным стал тезис о том, что Китай может быть сильным и могучим, не нанося при этом ущерба развитию соседних стран и мирового сообщества в целом. При этом китайские пропагандисты старались использовать для обоснования весомости идеи мирного возвышения национальный исторический и культурный материал.

Китайские исследователи отмечали, что начертанная Дэн Сяопином политика «сокрытия возможностей» уже не во всем соответствует современным реалиям. На фоне все более активного проникновения Китая в мировое хозяйство идея «сокрытия» сжимается до сферы политики, что создает условия для ее неправильного истолкования. «Сокрытие возможностей не означает, что у Китая есть какие-то цели, о которых нельзя говорить вслух, это также не означает, что, став сильным, Китай будет кому-то мстить» [33]. Чтобы избежать подозрений в тайных замыслах, Китай должен сформулировать новую идеологию общения с внешним миром, построенную вокруг лозунга мирного возвышения.

Основой новой идеологии было предложено сделать конфуцианское мировоззрение единения без унификации (*хэ эр бу тун*, см. «Лунь юй» 13:23) [34]. В современном политическом контексте эта фраза Конфуция истолкована как желание Китая укреплять мир, гармонию и сотрудничество с Западом (единение) без перехода на позиции союзника Запада и признания его ценностей (унификации). В интересах мирного возвышения Китаю предлагают «настойчиво добиваться, чтобы китайское мировоззрение единения без унификации разделялось и понималось народами всех стран мира и, далее, чтобы оно получило на

практике коллективное признание всеми странами мира, сформировало соответствующий этому международный механизм и институты. Одновременно Китай должен настойчиво использовать китайское мировоззрение единения без унификации для борьбы с гегемонизмом и политикой силы, для исправления несправедливых и неразумных элементов в международном порядке» [35].

По сути, китайские авторы обнародовали амбициозный проект современного истолкования китайских традиционных ценностей и их экспорта для перестройки существующего мирового порядка. Частью этого проекта стала попытка создать инструментальную трактовку культуры и истории Китая, соответствующую запросам продвижения идеологии мирного возвышения. Вместе с тем попытки обосновать извечность миролюбия Китая ссылками на историю и культурную традицию ведут к неоднозначным результатам. Наблюдается идеализация древних методов культурно-воспитательного «примирения–успокоения» и «умиротворения» живших вокруг Китая «варваров». Система феодального данничества, закрепившая вассальное положение окружающих Китай народов, подается современными авторами как основа «дружественных, устойчивых отношений между Китаем и соседними странами», «форма помощи взаимному культурному обмену и взаимной торговле».

Именно в этой области зарождаются зарубежные концепции «китайской угрозы», возникают предположения касательно возможности возвращения Китая на путь «мягкой» экспансии, которого он придерживался во времена империи. С. Хантингтон заметил: «История, культура, традиции, масштабы, экономический динамизм и собственный образ Китая — все это побуждает его занять позицию гегемона в Восточной Азии. Эта цель является естественным результатом его быстрого экономического развития. Все остальные крупные державы — Британия и Франция, Германия и Япония, Соединенные Штаты и Советский Союз были заняты внешней экспансией, утверждением и империализмом, что совпадало или непосредственно следовало за годами, в которые они проходили быструю индустриализацию и экономический рост. Нет причин думать, что обретение экономической и военной мощи не окажет сопоставимого воздействия на Китай. В течение двух тысячелетий Китай был выдающейся державой в Восточной Азии. Ныне китайцы все больше заявляют о намерении продолжить играть эту историческую роль и поло-

жить конец столь долгому столетию унижения и подчинения Западу и Японии, начавшемуся с навязанного Британией Нанкинского договора 1842 года» [36].

Отметим, что автор концепции «столкновения цивилизаций» полагает, что Китай не пойдет по пути военной экспансии и будет добиваться прежде всего экономического и политического контроля над окружающими странами. Этот способ руководства периферийными странами можно, с известными оговорками, назвать современным вариантом «мягкого», или «гармоничного», контроля над периферией, разработанного китайской цивилизацией в прошлые столетия.

Одновременно внутри КНР создаются выгодные для китайской стороны культурологические схемы, упрощенно противопоставляющие традиционную толерантность и пацифизм Китая исконной нетерпимости и агрессивности Запада. Предполагается, что в ответ на китайский отказ от унификации моделей развития, от Запада можно будет дождаться встречного отказа от унификации китайской системы по западному образцу. Но эта задача носит стратегический характер, тогда как в тактическом плане пропаганда китайских традиционных ценностей должна сопровождать и поддерживать продвижение идей мирного возвышения, развеивая опасения мирового сообщества разъяснением тезиса о том, что китайская культура не содержит в себе зародышей потенциальной китайской угрозы.

Китайские авторы особо подчеркивают толерантность конфуцианства, его синкретическую направленность, его оптимальное совмещение с требованиями межцивилизационной и межрелигиозной гармонии. Однако за этими позитивными тезисами просматриваются утверждения об исключительности конфуцианства и его превосходстве над западной культурой, которая якобы до сих пор не смогла создать собственную концепцию межцивилизационной гармонии и реализовать ее на практике. В итоге утверждение о гармоничности и толерантности конфуцианства вступает в противоречие с националистическим выводом о превосходстве китайской культуры.

Китайские аналитики уже обратили внимание, что националистической концепции «века Китая» присуща оборотная сторона, хотя она и имеет под собой основание в виде реальных экономических достижений. «В последние годы она часто беспредельно преувеличивалась китайской и международной общественностью, некоторые люди стали говорить громкие слова

о пресловутом китайском веке. Кризис, связанный с чрезмерным преувеличением китайской мощи, у некоторых исходит из чувства национальной гордости, у других, наоборот, коренится в желании заложить основу для теории китайской угрозы. Независимо от побудительного мотива все это искажает истинное положение дел и одинаково вредно для Китая» [37].

* * *

Китайская культура и поныне функционирует в качестве механизма поддержания интравертной и центростремительной ориентации своих носителей. Китайские ценности не только сплачивают проживающих в Китае ханьцев, но и побуждают китайцев, проживающих за рубежом, оставаться частью глобального китайского социума. Интравертная цементирующая функция китайского национализма позволяет повысить сплоченность китайского народа и глобальной китайской общины в целом, не дать им превратиться в пресловутую «рыхлую кучу песка». Она также обеспечивает Китаю доступ к достижениям западной науки и технологии при посредстве зарубежных китайских общин, члены которых сохраняют верность мечте о построении мощного китайского государства и готовы внести в нее личный вклад своими знаниями, навыками и т. д.

Ряд эффектных политических и технических достижений Китая последних лет (саммит АТЭС в Шанхае в 2001 году, решение международных организаций о проведении в КНР Олимпиады-2008 и всемирной выставки «Экспо-2010», полет первого китайского космонавта в октябре 2003 года) укрепили престиж китайских властей как на внутренней, так и на международной арене. Вкупе с очевидными экономическими достижениями эти громкие акции способствовали дальнейшему углублению национальной самоидентификации ханьцев, еще большему осознанию ими своего национального достоинства, укрепили их патриотизм и гордость за свою родину, ее пятитысячелетнюю цивилизацию. Успех китайской олимпийской заявки 13 июля 2001 года «стал для детей и внуков Шэньнуна и Хуан-ди (мифические китайские императоры древности. — *Примеч. авт.*) всего мира самым торжественным праздником и нескончаемым духовным пиршеством» [38].

Конфуцианская традиция, освобожденная от имперского наследия, способна сыграть позитивную роль как во внешней, так

и во внутренней политике Китая. Конфуцианский акцент на гармонии различных сил при сохранении их множественности и многообразия имеет шанс оказаться привлекательным для многих развивающихся стран, недовольных западным доминированием в международных делах.

Внутри страны унаследованные от прошлого социальный органицизм и идейный холизм придают китайской цивилизации высокую внутреннюю гомогенность и устойчивость. Эти стабилизаторы препятствуют попыткам «раскачать» Китай извне, что повышает способность страны сопротивляться неблагоприятным международным условиям благодаря мобилизации резервов националистического сознания.

С другой стороны, при неблагоприятном развитии событий злоупотребление национализмом, используемым как внешний забор, отгораживающий экономически открытое внешнему миру китайское общество от проникновения новых политических и культурных веяний, способно спровоцировать новый кризис китайского национализма и традиционализма. Сложившийся ныне консервативный альянс политической, деловой и интеллектуальной элиты может распасться, если интеллигенцию вновь увлечет использование либеральных ценностей в подходе к современным запросам развития Китая.

Наиболее вероятно возрождение западнической альтернативы китайскому национализму в форме повторения звучавших в начале XX века призывов привести китайскую культуру и цивилизацию в соответствие с требованиями эпохи глобализации, очистить ее от «феодального хлама» и открыть новым веяниям. Восхваление идеализированных конфуцианских ценностей побуждает и будет побуждать китайскую интеллигенцию к переосмыслению негативных антидемократических и консервативных сторон имперского конфуцианства, прокладывающих себе путь в жизнь современного общества на националистической консервативной волне.

Вместе с тем в рамках будущего спора неотрадиционализма и либерализма китайская традиция вряд ли может быть отвергнута полностью. Вполне возможно, что из нее будут унаследованы такие позитивные и значимые аспекты, как прагматизм, упорство в достижении цели, религиозная веротерпимость, умение решать сложные проблемы путем переговоров. Конфуцианская традиция ориентирует своих носителей на неторопливость, умение дождаться созревания нужных условий для достижения цели.

Важную роль будет играть способность китайцев жертвовать частью своих интересов во имя получения значительно более крупной выгоды в средне- и долгосрочной перспективе. Сохраняет и будет сохранять свою актуальность акцент на традиционных китайских добродетелях: человеколюбии, верности долгу, скромности, почтении к старшим и начальству, желании приносить пользу людям, усердии. В рамках общенациональной стратегии «возрождения нации с помощью науки и образования» конфуцианский подход будет и далее формировать акцент на первостепенном повышении качества человеческих ресурсов.

Громадные успехи Китая оживляют среди части элиты имперские традиции Поднебесной, стимулируют мечты о проекции влияния страны за пределы ее границ, о наступлении «века Китая». Если эти мечты не обретут шовинистической окраски и в КНР сохранятся внутриполитическая стабильность и экономический рост, в ближайшие десятилетия в культурном отношении Китай имеет шансы достичь уровня влиятельной региональной державы и начать движение к обретению отдельных атрибутов великой культурной державы.

Рыночный путь китайской экономики стал необратимым с начала 1990-х годов, и это обстоятельство оказывает глубокое воздействие на развитие культурной жизни КНР. Заметнее всего рост разрыва между государственно-идеологическим и коммерческо-потребительским сегментами культуры.

Тема взаимодействия цивилизаций Китая и Запада носит долговременный характер, она существует уже несколько столетий и в качестве культурно-цивилизационной проблемы еще долго будет сохранять свою актуальность. Однако призывы к политической бдительности по отношению к Западу, пытающемуся «расколоть» и «озападнить» Китай, могут частично или полностью утратить свою силу в результате перемен, лежащих вне культурно-цивилизационного поля, под влиянием прозападных сил.

Способность противостоять Западу размывается в условиях экономической открытости Китая, когда иноземная культура проникает в страну как потребительский, а не как идеологический товар. Более того, объявленные властями КНР реформы в области СМИ, книгоиздания, теле- и кинопроизводства призваны сделать эти отрасли прибыльными за счет допуска в них не только китайского, но и иностранного капитала. Ожидается,

что иностранные инвесторы принесут не только деньги, но и свежие управленческие идеи, которые помогут китайским СМИ стать привлекательными для потребителя.

В ближайшее десятилетие (2005–2015 годы) речь пойдет о качественной трансформации китайской медиаиндустрии. В 2003 году 93,6% населения КНР было охвачено радиовещанием, 94,8% — телевещанием, что почти не оставляет места для количественной экспансии. К 2015 году китайские власти планируют перевести телевещание в цифровой формат, что даст потребителям доступ к большему количеству программ. Одновременно ставится задача постепенного сокращения государственного субсидирования СМИ за счет повышения поступлений от рекламодателей и потребителей. В 2003 году расходы на размещение рекламы в печатных и электронных СМИ КНР отставали от США почти в 18 раз (7 млрд против 128 млрд долларов) [39], что многократно превышает существующую разницу в экономических потенциалах двух стран. Есть основания ожидать, что по мере коммерциализации китайских СМИ этот разрыв будет сокращаться.

Сложнее всего будет согласовать рыночные устремления с желанием китайского государства сохранить идеологический контроль над СМИ. Это ведет к разделению СМИ на успешные развлекательные проекты и сугубо пропагандистские. В ближайшие годы на китайском телевидении умножится разнообразие специализированных каналов (спорт, музыка, научно-популярные, образовательные). Жесткая конкуренция приведет к селекции наиболее жизнеспособных и привлекательных глянцевых журналов (мода, автомобили, красота, физическое здоровье и т. д.), ориентирующих людей в мире материального потребления. Ожидается появление новых качественных экономических газет, среди которых может возникнуть кандидат на роль глобального экономического издания (сначала на китайском языке для диаспоры, потом на английском для мировых деловых кругов).

Последствия горбачевской гласности в бывшем СССР до сих пор предостерегают китайское руководство от полной отмены контроля над СМИ и культурной сферой в целом. Вместе с тем дуальная модель организации китайских СМИ (коммерческие развлекательно-профессиональные и государственные политико-идеологические) может носить лишь временный характер. Для преодоления разрыва китайским властям потребуется со-

здать новые механизмы регулирования, которые позволили бы ослабить существующую систему цензурного лицензирования (прежде всего в кинематографии) и создали бы возможность для успешного развития общественно-политических СМИ.

В КНР продолжится расширение «красного Интернета», передающего людям санкционированную информацию. Сохранится также роль государства как пропагандиста морально-этических ценностей, что связано не столько с эпохой идеологического морализаторства Мао Цзэдуна, сколько с унаследованной традиционной функцией правителя, закрепленной в конфуцианских представлениях об обществе и государстве. Китайская пропаганда будет все шире опираться на идеи национального патриотизма, однако при этом ее содержание будет носить рационалистический, прагматический и светский характер.

Формальные религиозные институты в Китае при самых масштабных переменах в политической системе большой роли играть не будут. Специфика китайской культуры такова, что религии не являются основой ее развития. Если имперское конфуцианство еще имело сакральные элементы (например, ритуал поклонения императора Небу), то ныне конфуцианство окончательно редуцировано к светскому этико-политическому учению. Расцвет или упадок китайской культуры нельзя напрямую связывать с уровнем развития ее религиозных составляющих.

Наиболее вероятна активизация народных верований и синкретических религий, не имеющих институционального оформления и длительной исторической традиции — их создают и направляют харизматические лидеры, вольным образом соединяя имеющиеся культурные и религиозные представления. Можно также ожидать расширения популярности и авторитета буддизма. Однако ислам и христианство обречены оставаться в Китае религиями меньшинства. Примечательно, что в конце 1990-х годов светское «культурное христианство», создаваемое силами тянущейся к западной традиции нецерковной интеллигенции, обрело куда большую известность и культурный вес, чем размышления китайских церковных теологов.

Можно обозначить три сценария развития китайской культуры до середины XXI века.

Проникновение китайской культуры во внешний мир на фоне заметного усиления совокупной национальной мощи страны.

Это наиболее оптимистический сценарий, отвечающий ожиданиям китайской элиты. Глядя на пример США, китайцы меч-

тают превратить свою страну в сильную и культурно самодостаточную державу, способную сделать китайскую культуру привлекательной для потребителей во всем мире. Предполагается, что экономическая и военная мощь создаст основу для духовного и культурного лидерства Китая. Поначалу речь пойдет об укреплении влияния на соседей в Азиатском регионе. Произойдет заметное расширение мирового распространения китайского языка, к его изучению иностранцев будет побуждать не только желание использовать экономические шансы от общения с Китаем, но и стремление приобщиться к культуре сильной процветающей страны. Вместе с культурой Китай сможет проецировать вовне свои социально-политические ценности (например, отстаивать многообразие моделей развития как альтернативу глобализации по-американски).

Рост материального потенциала культурной отрасли КНР даст возможность привлечь лучших зарубежных экспертов в теле- и кинопроизводство, театральные постановки, новые разработки в области Интернета и электронных игр. Это откроет путь для качественного подъема и обновления китайской культуры посредством межкультурного синтеза. Распространение китайского языка и популярности Китая откроет путь для проникновения китайской культурной продукции на внешние рынки. Успешное реформирование китайских СМИ поможет добиться доминирования на мировом рынке китайскоязычных газет, журналов и телевидения. По мере роста профессионализма китайских СМИ станет возможен выход и на иноязычную аудиторию.

Умеренный прогресс на фоне продолжения экономического роста КНР.

Данный сценарий можно назвать реалистическим. Проблемы отрасли останутся прежними. Сохранение достаточно жесткого политико-идеологического контроля над СМИ будет ограничивать для них возможность успешного завоевания глобального медиарынка. Однако благодаря солидному притоку частных капиталовложений и иностранных медиатехнологий в стране появится мощная рыночно-ориентированная культурная индустрия. Это откроет путь для создания коммерческой продукции высокого уровня, способной успешно сражаться за завоевание если не мировых, то по меньшей мере региональных рынков (телесериалы, красочные фильмы на исторические сюжеты и т. д.). Возможно создание собственных образов и сюже-

тов массовой культуры, которые будут узнаваемы и продаваемы во всем мире — в качестве примеров из соседней Японии можно указать на кинематографического монстра Годзиллу, фильмы ужасов («Звонок»), комиксы и мультипликацию. Внутри Китая сформируется развитая массовая культура, способная удовлетворить запросы китайского потребителя, но в силу своей локальности малоинтересная для иностранцев.

Резкие перемены на фоне экономических и политических неурядиц.

В рамках «экстремального» сценария представляется допустимым соединить два варианта кризисного развития.

Первый связан с изоляцией Китая от внешнего мира при сохранении существующей политической системы. Это может быть последствие военного конфликта в Тайваньском проливе, который приведет к напряженности в отношениях между Западом и КНР и, как следствие, к экономическим затруднениям, всплеску национализма и ксенофобии. Возможны и другие сценарии нарастания проблем в политической и социально-экономической жизни страны, которые вступят в противоречие с господствующими в конце XX — начале XXI века ожиданиями по поводу наступления «века Китая». Произойдет нечто подобное тому, что происходило в начале 1980-х годов и после событий 1989 года: новое ужесточение контроля над культурой и интеллектуальной жизнью страны, временное возрождение идеологического догматизма. Развитие китайской культуры на некоторое время будет заторможено и отделено от мирового культурного пространства.

Второй сценарий связан с взрывной демократизацией китайской системы власти. Подобно горбачевской «гласности», это придало бы значительный импульс вестернизации китайских СМИ, усилило бы интерес к ним за рубежом. Однако в случае с СССР этот эффект носил кратковременный характер (около четырех-пяти лет), после чего ажиотаж был перечеркнут экономическим кризисом и распадом страны.

Выводы

1. Китайскую культуру характеризуют длительность и непрерывность развития, многообразие, уникальное сочетание консервативной замкнутости с толерантностью к иным культурам и традициям. Унаследованные из прошлого социальный органицизм и идейный холизм придают китайской цивилизации высокую внутреннюю гомогенность и устойчивость. С XIX века китайская культура переживает масштабное обновление с опорой на иноземные ресурсы.

2. В первые десятилетия после образования КНР в 1949 году китайская культура заметно отстала от показателей материальной мощи государства, духовная жизнь страны подверглась глубокой идеологизации и примитивизации. Причиной регресса стало совмещение политики изоляции от культуры Запада с масштабным искоренением традиционного культурного наследия, прежде всего конфуцианства.

3. В начале 1980-х годов в Китае начался новый цикл культурного развития, характеризующийся синхронизацией роста материальной и духовной мощи страны. Открытый характер культурного заимствования помог придать новый мощный импульс развитию КНР. Возрождение национальной мощи Китая во второй половине XX столетия китайцы воспринимают как начало нового цикла возвышения страны после прохождения низшей точки во второй половине XIX века, как редкий в мировой истории прецедент возрождения древней цивилизации.

4. В 1990-е годы среди китайской интеллигенции распространилось разочарование в либеральных ценностях, заметно укрепились позиции национализма и консерватизма. Доминантой современной китайской идеологии является патриотизм и конструктивный национализм, призванный обеспечить расцвет страны за счет поддержания ее единства и защиты от раскола.

5. Религиозные конфликты не угрожают устойчивому развитию Китая, где ни одна из конфессий не имеет доминирующего положения. Власти признали, что в период социализма религия носит массовый и долговременный характер. Они отказались от попыток ограничить религиозную жизнь в угоду идеологии, но вместе с тем не отказываются от контроля над религией, особо подчеркивая недопустимость враждебного «проникновения извне под флагами религии».

6. Переход Китая к рыночной экономике при сохранении институциональной преемственности в политической системе породил проблему разделения идеологической и коммерческой ипостасей культуры. Государство стремится сохранить контроль над культурой, однако общество развивается в условиях рынка и открытости внешнему миру.

7. В китайском обществе возникла ситуация двойного морального вакуума — утратили влияние не только традиционные конфуцианские ценности, но и сменивший их в 1950–1970-е годы маоистский коллективизм. Ныне китайские руководители пытаются создать обновленную этическую систему, соответствующую социалистической рыночной экономике, выдвигая лозунг управления государством с помощью морали.

8. На современном этапе полемика Китая и Запада переместилась из области борьбы социализма и капитализма в сферу противостояния набирающего силу независимого национального государства иноземной «гегемонии» и «политике силы». Поворот китайской интеллигенции от либерализма 1980-х к национализму и консерватизму 1990-х способствовал усилению волны критики в адрес США и американских СМИ, умышленно очерняющих образ КНР. Однако в условиях экономической открытости Китая иноземная культура проникает в страну прежде всего как потребительский, а не как идеологический товар.

9. Национальная культура воспринимается в КНР как инструмент сохранения национальной идентичности в условиях глобализации, обеспечивающий защиту от нежелательного внешнего проникновения. Одновременно ставится задача проекции китайской культуры во внешний мир и информационного контрнаступления за пределы страны.

10. В конце 2003 года в КНР появилась концепция «мирного возвышения», утверждающая, что Китай может быть сильным и могучим, не нанося при этом ущерба развитию соседних стран и мирового сообщества в целом. Заявлено о желании Китая укреплять мир, гармонию и сотрудничество с Западом без перехода на позиции союзника Запада и признания его ценностей. Одновременно появляются упрощенные культурологические схемы, противопоставляющие традиционную толерантность и пацифизм Китая исконной нетерпимости и агрессивности Запада. Особо подчеркивается толерантность конфуцианства, его синкретическая направленность, оптимальное соответст-

вие требованиям межцивилизационной и межрелигиозной гармонии.

11. Наиболее реалистичным сценарием развития китайской культуры на ближайшее десятилетие представляется умеренный прогресс на фоне продолжения экономического роста КНР. Сохранение государственного политико-идеологического контроля затруднит выход китайской культурной продукции на глобальный медиарынок. Однако благодаря притоку частных капиталовложений и иностранных медиатехнологий в стране появится мощная рыночно-ориентированная «культурная индустрия». Это откроет путь для создания конкурентоспособной коммерческой продукции высокого уровня, способной успешно сражаться за завоевание если не мировых, то хотя бы региональных рынков. Внутри Китая сформируется развитая массовая культура, способная удовлетворить запросы китайского потребителя.

Изменение показателя «Культура и религия России»
(по ряду исторически значимых событий)

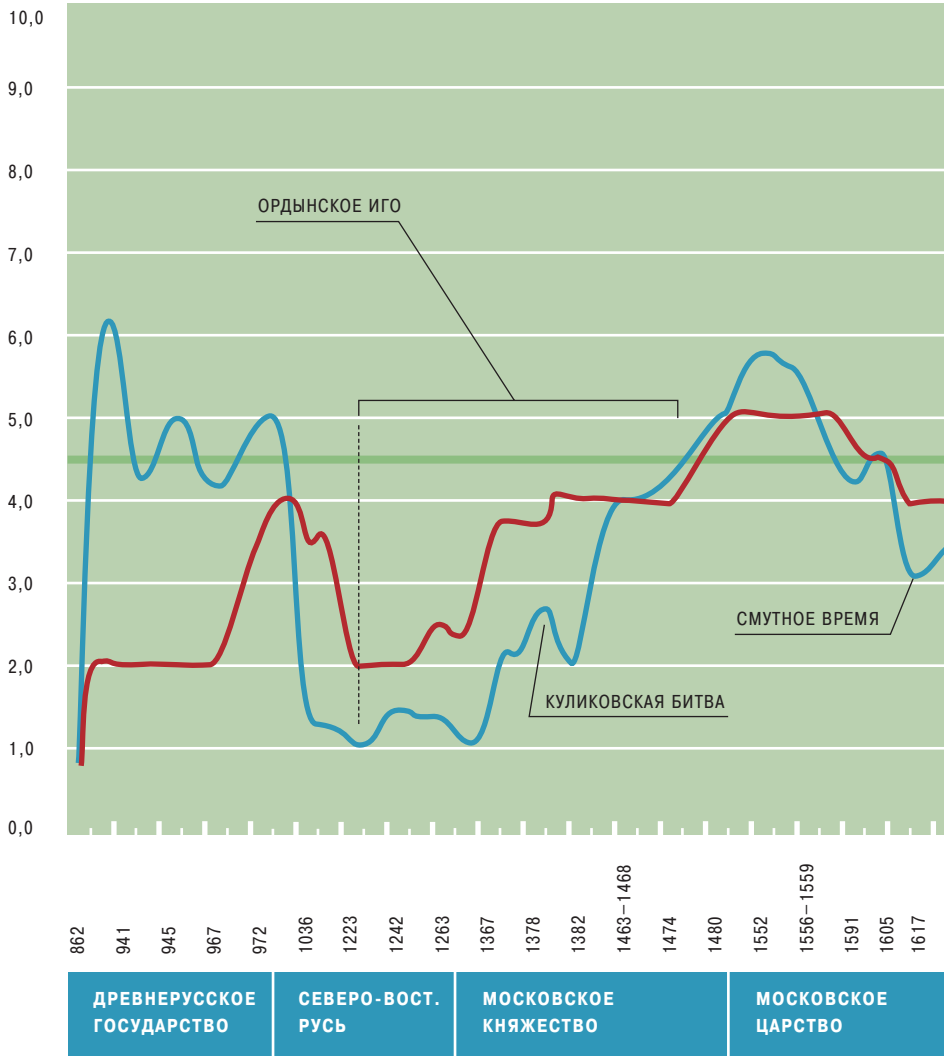
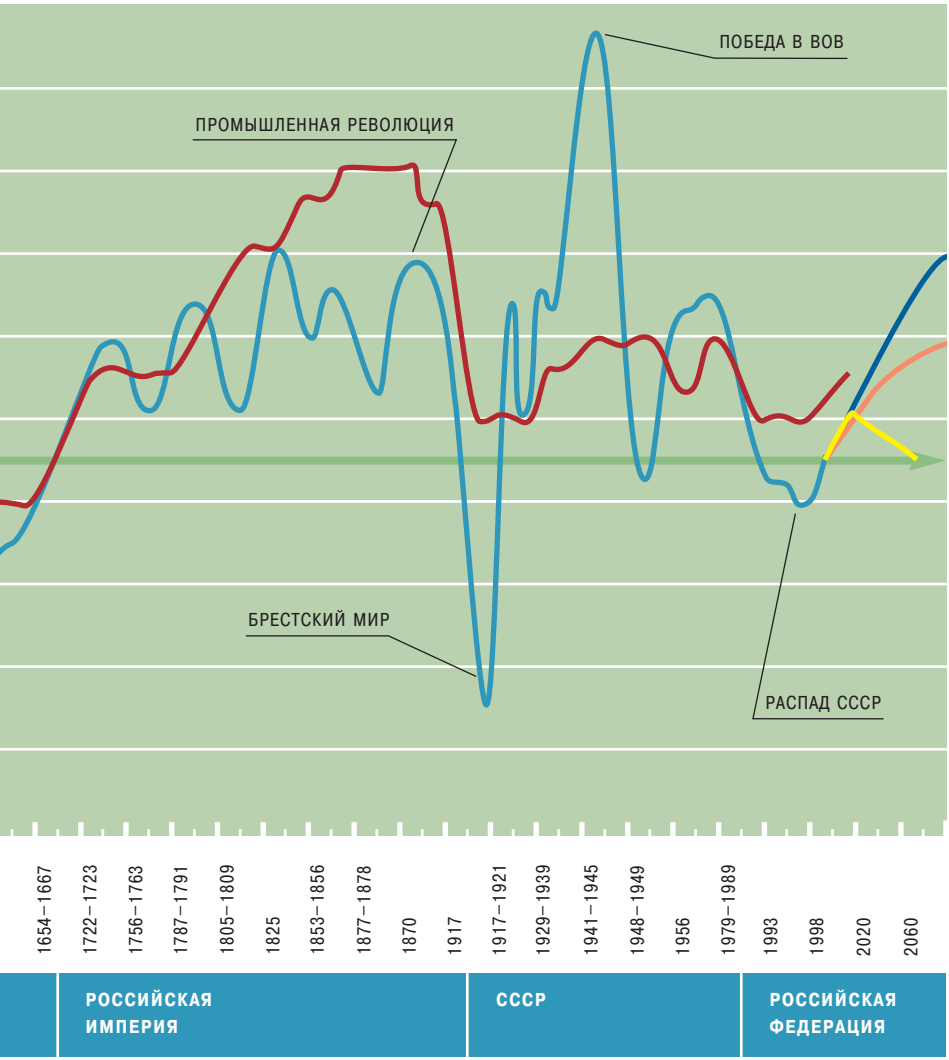

Рисунок 6.1

ПОБЕДА В ВОВ
ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
БРЕСТСКИЙ МИР
РАСПАД СССР
1654–1667
1722–1723
1756–1763
1787–1791
1805–1809
1825
1853–1856
1877–1878
1870
1917
1917–1921
1929–1939
1941–1945
1948–1949
1956
1979–1989
1993
1998
2020
2060
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
СССР
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
Инструментальный уровень
региональной и великой держав (=4,5 единицы)